

ВОЛКОВА Полина Станиславовна
доктор философских наук, доктор искусствоведения,
профессор кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного университета,
Краснодар, Россия

Polina S. VOLKOVA

Dr. Sci. (Ontology and Theory of Knowledge), Dr. Sci. (Musicology), Prof.,
Department of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar, Russia,
polina7-7@yandex.ru

Культура в пространстве бытия: интерпретация и реинтерпретация

В статье представлен опыт, нацеленный на формирование культуры мышления наших соотечественников, реализуемый посредством самых разных художественных текстов. В силу того, что как вербальные (словесные) и невербальные (музыкальные, изобразительные, пластические и т.п.), так и синтетические, построенные на взаимодействии двух или более языков искусства, тексты культуры являют собой опредмеченный процесс мыследеятельности творца, работа с художественным текстом закрепляет навык по осуществлению перехода от «равнодушных значений» к «значению для меня» (А. Н. Леонтьев). Последний позиционируется как результат мыследеятельности включенного в ситуацию диалога субъекта.

Ключевые слова: мышление, культура, связь, значение, смысл, текст культуры, индивидуальное сознание, коллективное бессознательное.

Culture in Life Space: Interpretation and Reinterpretation

The experience aimed at formation of culture of thinking of our compatriots, realized by means of the most different art texts is presented in article. Owing to the fact that as verbal (verbal) and nonverbal (musical, graphic, plastic, etc.), and the synthetic, constructed on interaction of two or more languages arts, texts of culture are embodied in a subject process of a activity of thought of the creator work with the art text fixes skill on implementation of transition from «indifferent values» to «value for me» (A. N. Leontyev). The last is positioned as result the activity of thought of the dialogue of the subject included in a situation.

Keywords: thinking, culture, communication, value, sense, text of culture, individual consciousness, collective unconscious.

В одну из встреч со своими почитателями, организованную в рамках транслируемой по каналу «Культура» программы «Линия жизни», Юрий Арабов – сценарист, поэт, драматург, чье сотворчество с Александром

Сокуровым отмечено такими киноработами, как «Молох» (1999), «Телец» (2000), «Солнце» (2004), «Фауст» (2011) высказал, на первый взгляд, весьма крамольную мысль. «Мона Лиза», равно как и любой другой, включенный

в нашу повседневность, факт культуры – всего лишь «консервы». В силу того, что, будучи результатом переработки натурального продукта, консервы являют собой общедоступную, готовую к употреблению пищу, нельзя не признать: знание того, кто такой Леонардо да Винчи и что такое «Джоконда» не делает человека культурным, поскольку подлинное вхождение в мир искусства требует колоссального напряжения всех сущностных сил, сложение которых и определяет качество человеческой личности. Другими словами, быть культурным, по Ю. Арабову, – значит непрестанно осознавать свою включенность во все, что происходит вокруг, ибо культура – это, прежде всего, связь. Полностью соглашаясь с нашим соотечественником, попытаемся прояснить представленную позицию лишь с одной оговоркой. Мы намеренно отказываемся от уровня бытового общения, делая акцент на бытийственной стороне вопроса. При этом построение системы аргументации потребует от нас обращения к самым разным отраслям гуманитарной науки: онтологии и теории познания, философии языка, искусству, филологической герменевтики и собственно культуры.

С этой целью обратим внимание на следующее обстоятельство. Отдавая себе отчет в том, что каждый из нас – неотъемлемая часть целого мира, мы, как правило, не всегда осознаем, что целостность нашей личности как части целого также представляет собой сумму некоторых частей. Более того, как наше единство с миром, реализуемое в диалектике части и целого, определено природной закономерностью, так и целостность каждого из нас есть не что иное, как обусловленное природой единство. Соответственно, чтобы заявить о себе как о существе надприродном, мы поставлены перед необходимостью исключительно самостоятельно осуществлять связь всех своих элементов, не полагаясь на природную данность. Последняя представлена двумя сторонами психической жизни субъекта, опознаваемыми во взаимодействии коллективного бессознательного и индивидуального сознания. Поскольку их соединение «в пространстве и времени» есть результат естественного, протекающего безотносительно субъекта процесса развития, мы, вслед за М. Бахтиным, имеем все основания квалифицировать такое целое как механическое. Несмотря на то, что

«части такого целого... “лежат” рядом и соприкасаются друг с другом, ...в себе они чужды друг другу» [3, с. 7].

Для прояснения сути такой ни к чему не обязывающей связи, обратимся к философии языка Р. Павилениса [15]. Как утверждает автор, каждый из нас является носителем индивидуальной концептуальной системы, представленной неязыковыми и языковыми элементами. Несмотря на то, что становление неязыковых элементов системы происходит на основе информации, получаемой посредством органов чувств (зрение, слух, осязание и т.п.), чувственное происхождение таких элементов не отменяет их интеллектуального статуса. Имеется в виду обстоятельство, согласно которому неязыковые элементы системы преобразуют сенсорный поток таким образом, что совокупность ощущений трансформируется в раздельность впечатлений, функционирующую на уровне диалога модальностей.

В качестве примера, косвенно иллюстрирующего взаимоотношения, складывающиеся между поступающим извне сенсорным потоком и преобразующими его неязыковыми элементами, обратимся к книге А. Вознесенского «Прорабы духа». На ее страницах поэт рассказывает о своем знакомстве с А. Крученых – одним из представителей Серебряного века. Дело в том, что в общении со своим визави А. Крученых «овнешняет» свой внутренний опыт как нерасчлененную целостность, одновременно представленную звуком, цветом и формой. В свою очередь, А. Вознесенский «раскладывает» передаваемую ему собеседником совокупность ощущений. В итоге каждый из нас приобщается к раздельности полученных Вознесенским в процессе общения с Крученых представлений, будучи вовлеченным в диалог модальностей [12]. Еще раз подчеркнем, что данный пример может служить лишь косвенной иллюстрацией интересующего нас опыта перевода совокупности ощущений в раздельность впечатлений, поскольку А. Вознесенский делится с нами своими представлениями посредством слова, тогда как неязыковые элементы дифференцируют сенсорный поток безотносительно языка, опираясь исключительно на коррелирующие с тем или иным каналом восприятия модальности.

« «Ю-юйца!» – zaczynaе он, у вас слюнки текут, вы видите эти, как юла, крутящиеся на

скатерти крашеные пасхальные яйца... “Зухрр”, – не унимается зазывала, и у вас тянет во рту, хрупают от засахаренной хурмы, орехов, зеленого рахат-лукума и прочих сладостей Востока, но главное – впереди. Голосом высочайшей муки и сладострастия, изнемогая, становясь на цыпочки и сложив губы как для свиста или поцелуя, он произносит на тончайшей бриллиантовой ноте: “Мизюнь, мизюнь!...” Все в этом “мизюнь” – и юные барышни с оттопыренным мизинчиком, церемонно берущие изюм из изящных вазочек, и обольстительная весенняя мелодия Мизгирия и Снегурочки, и, наконец, та самая щемящая нота российской души и жизни, нота тяги, утраченных иллюзий, что отозвалась в Лике Мизиновой и в “Доме с мезонином”, – этой всей несбывшейся жизнью выдохнутый зов: “Мисюсь, где ты?”» [7, с. 21].

Поскольку неязыковые элементы системы, чье становление происходит на основе получаемой из внешнего мира посредством чувственных каналов восприятия информации, предшествуют возникновению языковых элементов, постольку именно они и являются собой тот «материал», из которого формируются последние. Такое положение дел обусловлено тем, что языковые элементы системы призваны кодировать чувственный опыт с целью последующего им манипулирования через манипулирование языковыми элементами. Если проводить аналогии между двумя моментами текста М. Бахтина – «данном» и «созданным», то по отношению к человеку как тексту (В. Налимов) данное будет звучать в унисон с неязыковыми элементами системы аналогично тому, как созданное звучит в унисон с языковыми элементами. Аргументацией представленной позиции служит тот факт, что языковые элементы кодируют сугубо индивидуальный внутренний опыт, присущий конкретной концептуальной системе. Причем, тот факт, согласно которому данное сохраняется в созданном, с одной стороны, в своей неизменности, с другой – в некоем новом качестве, со всей очевидностью свидетельствует о единстве самой концептуальной системы. Знаменательно, что достижение обозначенного единства Р. Павиленис связывает с опытом интерпретации.

Имеется в виду ситуация, когда релевантная несовместимость или иначе – неизбежное для каждой индивидуальной концеп-

туальной системы несовпадение неязыковых элементов с языковыми – преодолевается через согласование одного с другим. В целом речь идет о непрерывном конструировании внешней по отношению к концептуальной системе информации во внутреннюю. Сначала посредством интерпретации сенсорного потока неязыковыми элементами система становится обладателем информации, которая представлена разными модальностями, затем посредством интерпретации этих разных модальностей языковыми элементами система овладевает возможностью манипулировать этой внутренней информацией через манипулирование элементами языка. Другими словами, принцип интерпретации обеспечивает переход внешней информации во внутреннюю с последующим ее переводом во вне.

Специально заметим, что обращение к категории интерпретации в отношении индивидуальной концептуальной системы как нельзя более отвечает опыту исполнительской практики. Принимая во внимание тот факт, что лексема «исполнить» берет свое начало от «исполу», т.е. на половинных началах, пополам с другим [11, с. 55], становится очевидным следующий момент. Две половины целостной системы поставлены перед необходимостью выполнять каждая свою «работу», согласовывая неизбежные во взаимоотношениях друг с другом противоречия. Аналогично тому, как исполнительская интерпретация представляет собой относительно самостоятельную деятельность субъекта [9], поскольку ее возникновение обусловлено необходимостью «перевыражать» замысел композитора, осуществляя «перевод» нотного текста в звучащую ткань, интерпретация одних элементов индивидуальной концептуальной системы другими элементами также оказывается лишь относительно самостоятельной. Что это значит?

Дело в том, что по отношению к субъекту, выступающему в качестве носителя индивидуальной концептуальной системы, сама система выступает некой данностью, в рамках которой становление неязыковых и языковых элементов системы, демонстрирующих единство природного и социального, требуют от субъекта минимальной активности. Другими словами, как накопление информации, интерпретацию которой осуществляют неязыковые

элементы системы, осуществляется в процессе восприятия субъектом окружающего его мира, так и интерпретация языковыми элементами чувственного опыта предполагает знание языка (как правило, его освоение происходит за счет таких социальных институтов, как семья, школа и т.п.) Кто же тогда выступает подлинным обладателем индивидуальной концептуальной системы, осуществляя реинтерпретацию составляющих ее элементов? Принимая во внимание обстоятельство, согласно которому реинтерпретация является собой процесс тотального переосмысления изначально существующего опыта [8], заметим, что речь идет о поиске такого «владельца», чья деятельность была бы исключительно самостоятельной и всякий раз оценивалась бы по отношению к элементам самой системы как первичная.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо осуществить проекцию разрабатываемых Р. Павиленисом категорий в пространство коллективного бессознательного, коррелирующего с неязыковыми элементами системы, и индивидуального сознания, которое коррелирует с языковыми элементами системы. Знаменательно, что точка зрения Р. Павилениса, отдающего право первенства неязыковым элементам системы не противоречит позиции ряда исследователей, работающих в русле юнговской парадигмы. В частности, развивающие идеи К.-Г. Юнга ученые признают главенство коллективного бессознательного, отводя ему главную роль в психической жизни субъекта. В качестве аргумента выдвигается тезис о том, что именно коллективное бессознательное предстает перед нами как наиболее общая психике и внешнему миру сфера. Другими словами, будучи своеобразными «щупальцами» нашего внутреннего мира, которые нацелены на мир внешний, коллективное бессознательное выступает для высших слоев психики в качестве материи, уподобляемой материальности окружающего субъекта мира. При этом сам термин «коллективное бессознательное» вовсе не означает отсутствия в такой материи каких-либо примет сознания (интеллекта). Напротив, присутствие сознания в бессознательном никто не отрицает, речь идет лишь об одном: такое сознание стоит, по образному выражению В. Бакусева, «спиной» к бессознательному, вследствие чего бессоз-

нательное не только не знает, что из себя это сознание представляет, но и не знает, что это сознание – его. В противном случае бессознательное стало бы сознанием.

Если, однако, бессознательное не знает, что пульсирующие в нем «токи и смыслы целесообразности» (А. Лосев) – это приметы его собственного сознания, то тогда в некоторой степени они – эти приметы – и не его. Точно так же эти проблески сознания не являются и принадлежностью сознания, поскольку они приходят к нему со стороны бессознательного в виде определенных типов поведения, эмоциональных реакций, образов спонтанных фантазий или сновидений. При этом, как пишет В. Бакусев, будучи «чисто природным, автоматически целесообразным процессом», коллективное бессознательное «может быть использовано и на благо, и во вред целостной душе» [1, с. 258]. Оставляя свободу выбора за сознанием, выскажем следующее предположение.

В случае вреда, который может нанести коллективное бессознательное целостной душе, речь идет о ситуации, когда индивидуальное сознание поглощается содержаниями бессознательного. Отмеченное «поглощение» может происходить как со стороны неязыковых элементов – напомним, речь идет об определенных типах поведения, эмоциональных реакциях и т.п., так и со стороны языковых элементов. Имеется в виду становление языковой компетентности субъекта по присутствующим каждому языку правилам. Такие правила В. Гумбольдт определял как «чистое и голое», т.е. обобщенное, абстрактное «артикуляционное чувство» [10, 4]. Посредством последнего субъект не только усваивает и использует прежние значения, но и расширяет сферу их пользования за счет освоения внешней по отношению к индивидуальной концептуальной системе информации, которая представлена исключительно вербальными, т.е. сугубо языковыми концептами.

Знаменательно, что подобное положение дел редко осознается языковым носителем как трагедия, поскольку неизбежная утрата сознания, выступающего в качестве подлинного регулятора жизнедеятельности субъекта, компенсируется здесь способностью оперировать значениями. Другими словами, поскольку «значение – представитель и

носитель культуры» [5], способность говорить автоматически делает языкового носителя представителем того большинства, за которым закрепилось понятие «человеческого сообщества» или, что то же – уравнивает его в правах с той или иной социальной группой. Возвращаясь к мысли, высказанной Ю. Арабовым, нельзя не признать: по сути, наш соотечественник парадоксальным образом заостряет внимание на ущербности обособленного от неязыковых элементов системы языкового сознания, которое существует само по себе, безотносительно целостной личности. Именно такая обособленность одних элементов системы (неязыковых) от других (языковых) характеризуется нами как внешняя, механическая связь, обусловленная исключительно природным, действующим в нас помимо нас самих началом.

Напротив, в случае несомненного блага речь идет о выделении личности из коллективных основ собственной психики или о снятии индивидуальным Я негативности бессознательного в коллективном. Результатом такого снятия становится отказ от индивидуализма и обретение Я коллективного характера. Специально заметим, что ситуация, в рамках которой «Я-единственный из себя исхожу, а всех других нахожу...» – в корне отличается от бессознательной коллективности, поскольку налицо «онтологически-событийная разнозначность» [4, с. 66]1. Процесс согласования противоречий, определяющий собой взаимодействие коллективного бессознательного с индивидуальным Я или, что то же – неязыковых и языковых элементов системы со всей очевидностью опознается в словах Р. Вагнера, высказанных им по поводу хорового финала Девятой симфонии Л. ван Бетховена. Если «инструменты передают изначальные звуки мироздания и природы; то, что они выражают, нельзя точно определить, нельзя ясно установить их характер, ибо они передают изначальные чувства, как они возникали из хаоса первозданного мира, возможно, еще до появления человека, который мог бы принять эти чувства в свое сердце», то «человеческий голос выражает человеческое сердце и его замкнутое индивидуальное чувство, что с неизбежностью ограничивает его характер. Соответственно, центральная задача, которая стояла перед Бетховеном – соединить эти два

элемента и слить их воедино» [6, с. 103].

Знаменательно, что «присоединение этого второго элемента окажет, – по мысли композитора, – благотворное и смягчающее воздействие на борьбу изначальных чувств, введет их поток в определенное общее русло, а человеческое сердце, восприняв эти изначальные ощущения, станет шире и сильнее и обретет способность осознать в себе божественную сущность, до того жившую в нем как смутное предчувствие высшего существа» [там же]. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько опыт Бетховена способствует актуализации отмеченного Вагнером процесса у слушателя2, подчеркнем: по сути, именно осознание своего единства со всем окружающим миром ведет к отказу жить исключительно по той программе, которую в нас заложила природа, в этом отказе – безусловная свобода личности. Имеется в виду такая личность, которая, поднимаясь над природной данностью, выходит за рамки системы, освобождаясь от ее власти. Будучи «хозяином положения», она объединяет элементы системы в себе самой, выступая в качестве целевой причины, притягивающей к себе все психические процессы. К-Г. Юнг называл такую личность *Homo totus* – личность во всей своей целокупности или, что то же – самость. В силу своей принципиально-двойственной природы она и сознательна, и бессознательна, но одновременно и трансцендентна по отношению к обоим своим модусам.

Таким образом, мы подошли к ответу на вопрос, кто выступает подлинным обладателем всей полноты сознания, осуществляя реинтерпретацию элементов индивидуальной концептуальной системы, что предполагает следующие процедурные нормы:

- 1) закодированная языковыми элементами невербальная информация декодируется, актуализируя представленный диалогом модальностей чувственный опыт субъекта, что делает возможным обратный переход от внешних знаков речевого потока к внутренним;
- 2) чувственный опыт кодируется либо языковыми элементами системы, либо – неязыковыми.

Важность такого опыта обусловлена тем, что в процессе реинтерпретации формируется образ образа, т.е. субъективный образ внеш-

него по отношению к языковому носителю мира, каким он запечатлен в информации, полученной посредством чувственных каналов восприятия. Имеется в виду сугубо самостоятельная деятельность (мыследеятельность) языкового носителя, обуславливающая уход от «равнодушных значений» (А. Н. Леонтьев) к «значению для меня». Знаменательно, что открытие «значения для меня» осуществляется исключительно на уровне неязыковых элементов системы, становление которых происходит посредством межчувственной интеграции или, что то же – в пространстве диалога модальностей. Выступая аналогом личностного смысла, такое открытие требует своего последующего выражения, реализуемого либо посредством языковых элементов системы, если речь идет о слове, либо неязыковых элементов, если перед нами художественное полотно или музыкальная композиция.

В этом случае деятельность Homo totus являет собой первичную деятельность, поскольку актуализируя личностный смысл, носитель индивидуальной концептуальной системы выступает в роли его (смысла) первооткрывателя. Будучи овнешненным, последний служит «пусковым механизмом» мыследеятельности другого субъекта, побуждая его к саморазвитию и личностному росту. В обозначенном процессе сама система, включая как неязыковые, так и языковые элементы, выступает на уровне такой данности, опираясь на которую личность оказывается способной к самосозданию (самосозиданию). Возвращаясь к аналогии с исполнительской практикой, заметим, что в случае реинтерпретации речь идет об исполняющем свое собственное произведение композиторе. Вбирая в себя весь предшествующий опыт, композитор «переплавляет» все, чем располагает на данный момент культура в исключительно авторское высказывание, что позволяет квалифицировать его деятельность как первичную, а потому самостоятельную.

Подытоживая все вышеизложенное,

заметим, что в случае соблюдения фундаментального принципа интерпретации концептуальная система реализуется на уровне самоорганизации – имеется в виду такой режим ее асимметричного функционирования, который «поддерживается согласованностью разнонаправленных асимметрий и функциональных симметрий более частного порядка, возникающих спонтанно» [14, с. 195]. Напротив, следование опыту реинтерпретации приводит интересующую нас систему к организации как направленному процессу развертывания инвариантных особенностей ее структурных элементов.

По всей видимости, столь благой для индивидуальной концептуальной системы опыт с наибольшей полнотой будет закрепляться в процессе работы с текстами культуры. Верность подобного вывода зиждется на том основании, что собственно текст демонстрирует собой очевидную для субъекта связь, ибо «метафора Текста – сеть» (Р. Барт). Здесь этимология лексемы текст полностью соответствует его сути: «Textum» (от лат. *texto*) – сотканный, сплетенный (Ю. Лотман). Соответственно, включение в образовательное пространство самых разных, как вербальных и невербальных (музыкальных, изобразительных, пластических и т.п.), так и синтетических, т.е. построенных на взаимодействии музыки, слова, живописи, пластике человеческого тела и т.п. текстов культуры обеспечит целенаправленное движение от «равнодушных значений» к «личностным смыслам». В итоге каждый из нас уже не на словах только, но и на основе собственного опыта сумеет убедиться как в верности поэтического прозрения нашего современника, поэта Льва Кукулина: «Все в жизни цепью связано нетленной, /Все включено в один круговорот. /Сорвешь цветок, а где-то во вселенной /В тот миг звезда погаснет и умрет», так и в непреходящей мудрости следующих слов: «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней» [3, с. 5].

Использованная литература:

1. Бакусев В. В. В земле человеческой // К.-Г. Юнг. Феномен духа в искусстве и науке. Собр. соч.: В 15-ти тт. М.: Ренессанс, 1992. Т. 15.

References:

1. Bakusev, V. V., *V zemle chelovecheskoy* (On the Earth of Men), in *Yung, K.-G., Sbranie Sochineniy*, in 15 vols., vol. 15, Moscow: Renessans, 1992.

2. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // М. М. Бахтин. Работы 1920-х годов. Киев: «Next», 1994. С. 257-318.
3. Бахтин М. М. Искусство и ответственность // М. М. Бахтин. Работы 1920-х годов. Киев: «Next», 1994. С. 5-8.
4. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9-68.
5. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику [Электронный ресурс]. Тверь, 2001 // Бим-Бад Борис Михайлович: официальный сайт. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/bogin_ponimaniye.pdf (дата обращения 12.03.16).
6. Вагнер Р. Паломничество к Бетховену / пер. с нем. И. Татариновой // Рихард Вагнер. Изданные работы / сост. и коммент. И. А. Барсовой, С. А. Ошерова. М.: Искусство, 1978. С. 85-106.
7. Вознесенский А. А. Прорабы духа. М.: Советский писатель, 1994.
8. Волкова П. С. Реинтерпретация художественного текста (на материале искусства XX века). Краснодар: ООО Издательский дом «ХОРС», 2008.
9. Гуренко Е. Г. Проблемы художественной интерпретации (философский анализ). Новосибирск: НГК, 1982.
10. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
11. Даль В. В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 2. М.: Русский язык – Медиа, 2007.
12. Подробнее по данному вопросу см.: Коляденко Н. П. Синестетичность музыкально-художественного сознания (на материале искусства XX века). Новосибирск: НГК, 2005.
13. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. М.: Педагогика, 1983.
14. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2010.
15. Павиленис Р. И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.
16. Шаховский В. И., Волкова П. С. Этико-эстетический аспект экологичности эмоций в произведениях искусства // Вестник российского университета Дружбы народов. Серия лингвистика. 2015. № 1. С. 31-41.
2. Bakhtin, M. M., Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve (The Problem of Content, Material and Form in the Verbal Art), in *Bakhtin, M. M., Raboty 1920-kh godov*, Kiev: Next, 1994, pp. 257-318.
3. Bakhtin, M. M., Iskusstvo i otvetstvennost' (Arts and Responsibility), in *Bakhtin, M. M., Raboty 1920-kh godov*, Kiev: Next, 1994, pp. 5-8.
4. Bakhtin, M. M., K filosofii postupka (Toward a Philosophy of the Act), in *Bakhtin, M. M., Raboty 1920-kh godov*, Kiev: Next, 1994, pp. 9-68.
5. Bogin, G. I., *Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v hermenevtiku* (Gaining the Ability to Understand: Introduction to Hermeneutics), Tver, 2001, in Boris M. Bim-Bad: Official Site. http://www.bim-bad.ru/docs/bogin_ponimaniye.pdf. Accessed Mart 12, 2016.
6. Vagner, R., *Palomnichestvo k Betkhovenu* (A Pilgrimage to Beethoven), Tatarinova, I., Transl., in *Vagner, R., Izdannye raboty*, Barsova, I. A., Oshero, S. A., Comps, Comments, Moscow: Iskusstvo, 1978, pp. 85-106.
7. Voznesenskiy, A. A., *Proraby dukha* (Foremen of Spirit), Moscow: Sovetskiy pisatel', 1994.
8. Volkova, P. S., *Reinterpretatsiya khudozhestvennogo teksta (na materiale iskusstva XX veka)* (Reinterpretation of a Literary Text: the Art of the 20th Century as a Case Study), Krasnodar: KhORS, 2008.
9. Gurenko, E. G., *Problemy khudozhestvennoy interpretatsii (filosofskiy analiz)* (Problems of an Artistic Interpretation (Philosophical Analysis)), Novosibirsk: NGK, 1982.
10. Humboldt, W., *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* (Selected Works on Linguistics), Moscow: Progress, 1984.
11. Dal', V. V., *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language), in 4 vols., vol. 2, Moscow: Russkiy yazyk-Media, 2007.
12. Kolyadenko, N. P., *Sinestetichnost' muzykal'no-khudozhestvennogo soznaniya (na materiale iskusstva XX veka)* (Synesthcity of Musical and Artistic Consciousness: the Art of the 20th Century as a Case Study), Novosibirsk: NGK, 2005.
13. Leont'ev, A. N., *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* (Selected Psychological Works), in 2 vols., Moscow: Pedagogika, 1983.
14. Moskal'chuk, G. G., *Struktura teksta kak sinergeticheskiy protsess* (The Structure of the Text as a Synergistic Process), Moscow: Editorial URSS, 2010.
15. Pavilenis, R. I., *Problema smysla* (The Problem of a Meaning), Moscow: Mysl', 1983.
16. Shakhovskiy, V. I., Volkova, P. S., *Etiko-esteticheskiy aspekt ekologichnosti emotsiy v proizvedeniyakh iskusstva* (Ethical-Aesthetic Aspect of Ecologicity of the Emotions in the Art Work), *Vestnik rossiyskogo universiteta Druzhby narodov, Seriya lingvistika*, 2015, No. 1, pp. 31-41.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Волкова, П. С. Культура в пространстве бытия: интерпретация и реинтерпретация [Электронный ресурс] / П. С. Волкова // Наследие веков. – 2016. – № 1. – С. 54-60. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Volkova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Volkova, P. S., *Kul'tura v prostranstve bytiya: interpretatsiya i reinterpretatsiya* (Culture in Life Space: Interpretation and Reinterpretation), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 1, pp. 54-60. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Volkova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.